

Виталий Познин¹

**ИДЕАЛИЗМ И РЕАЛИЗМ
АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА**

К 100-летию А.А. Зиновьева

Как по-разному можно воспринимать одно и то же явление или событие! Например, недавно, благодаря вездесущему телевидению, мы стали свидетелями волнующей истории, произошедшей на острове Диксон с белой медведицей. Неразумное животное засунуло язык в банку из-под сгущёнки и не смогло вытащить его назад. Через несколько дней, изнемогая от боли и голода, молодая медведица пришла за помощью к одному из жителей острова. Тот попытался помочь несчастному зверю, но понял, что с задачей этой ему не справиться и вызвал с материка бригаду ветеринаров. Ко всеобщей радости несчастную медведицу, в конце концов, удалось спасти.

Кого-то из зрителей эта история умилила; кто-то посетовал на безалаберность людей, разбрасывающих где попало консервные банки; кто-то возмутился медлительностью ветпомощи. И лишь учёный-биолог, когда его спросили, что он думает по этому поводу, сказал невесело: «То, что спасли медвежонка, это, конечно, замечательно. Но это частный эпизод, за которым кроется уйма проблем. На острове поменялась экология. Резко сократилось количество рыбы. Поэтому надо думать о том, что вообще будет с этими медведями... Да и жителей на Диксоне с каждым годом всё меньше. А ведь это один из портов Северного морского пути, который мы хотим развивать...». Эта история наглядно иллюстрирует, как воспринимают одно и то же самое событие простой наблюда-

---

¹ Познин Виталий Фёдорович родился в Ростове-на-Дону, окончил в 1963 г. Таганрогский государственный педагогический институт. Работал на киностудиях страны в качестве оператора, режиссёра, сценариста. В 1980-е гг. был художественным руководителем «Леннаучфильма» студии, членом худсовета объединения «Лентелефильм». Член Союза кинематографистов и Союза журналистов. Профессор, доктор искусствоведения. Автор ряда монографий и более 50 научных статей, более 30 документальных фильмов, нескольких книг художественной прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

тель и человек компетентный, мыслящий, способный обнаружить в явлении самое существенное.

Именно умение подняться над фактом — главное качество ума философа, социолога, писателя, Александра Александровича Зиновьева. Как он сам говорил, информации о фактах имеется в изобилии, понимания же их нет почти никакого, а чтобы достичь такого понимания, нужна целая жизнь. И он посвятил всю свою жизнь размышлениям о судьбах России, о её месте в мировом историческом и политическом пространстве.

О романтизме и сталинизме

Нередко А. Зиновьева упрекают в том, что он в различных своих литературных произведениях и в интервью, оценивая одно и то же явление, порой высказывает противоречивые мнения. Отчасти это так, но ведь человеку мыслящему свойственно менять какие-то свои взгляды, что-то из былых умозаключений пересмотреть, в чём-то утверждаться ещё больше, — это говорит лишь о его постоянном стремлении искать истину. Подобно наблюдателю, удаляющемуся от небольшого участка земли на воздушном шаре, учёный при постижении истины как бы поднимается над явлением, отсеивая по мере отдаления от факта детали и нюансы, которые могут заслонять суть явления...

В 1930-е годы А. Зиновьев — фанат идеи построения идеального общества в духе Т. Мора, Т. Кампанеллы и других утопистов. Как известно, идея создания на Земле общества, в котором царят гармония, человеколюбие, взаимная помощь и любовь к ближнему, витает в воздухе с древних пор. Уже в период первых цивилизаций переходил из поколения в поколение миф о «золотом веке», который некогда был на Земле — о времени, когда не было ни господ, ни рабов, когда все люди были братьями и старались, чтобы всем было хорошо. Возникшая более тысячи лет назад христианская идея тоже была мечтой об идеальном обществе, о любви к ближнему как к самому себе, о терпимости и умении прощать, о победе добра над злом, и поэтому так быстро овладела умами и душами миллионов людей. Человек не может жить без надежды, без мечты и без веры. Даже такие писатели-реалисты, как Анатолий Франс и Антон Чехов, гениально описывающие в своих произведениях несовершенство человеческой природы, верили в то, что общество людей может и должно со временем измениться в лучшую сторону. Идея коммунизма была для Зиновьева сродни вековым грёзам человечества о возможности построения на земле нового «золотого века», где будут царить спра-

ведливость, равенство, уважение к труду, гармония между материальным и духовным.

Родившийся в бедной крестьянской семье, Александр Зиновьев с юных лет воспринял идею коммунизма и люто возненавидел Сталина именно за то, что тот превратил коммунистический идеал в нечто противоположное — в государственную машину, заставляющую всех быть счастливыми и силой устранившую несогласных. Поступив на философский факультет Московского института философии, литературы и истории, Александр начинает размышлять о том, «что из себя представляет советское общество» и высказывать критическое мнение о колхозной системе, обвиняя в перегибах Сталина, из-за чего его исключают из комсомола и отчисляют из университета. Но вскоре начинается война, и Зиновьев воюет сначала в танковых войсках, а затем в штурмовом авиационном корпусе.

А.А. Зиновьев

Казалось бы, его ненависть к Сталину должна была усилиться после XX съезда КПСС, который стал своего рода триггером, запустившим нескончаемый процесс обливания грязью «смелыми по разрешению» всего, что было при советской власти, выставляя на первый план творившиеся в сталинский период беззакония и ограничения свобод. Однако Зиновьев — и не только из-за присущего ему фрондёрства и нежелания идти с толпой — начинает утверждать, что Сталин был великой исторической личностью и самым великим политическим гением XX века, доказывая, что в той ситуации, в которой оказалась огромная страна после революции, иного пути, кроме жёсткого вертикального руководства ею, не было — тем более, что в 1930-е годы уже было ясно, что надвигается неизбежная война и что спасение страны только в мобилизационной политике.

Не отрицая факта репрессий конца 1930-х годов, А. Зиновьев предлагает рассматривать сущность социализма в контексте жизни всего населения страны. Чтобы избежать исторической аберрации зрения при анализе жизни в СССР в 1930-е гг., он советует тем, кто сосредоточился исключительно на преступлениях сталинского периода, провести следующий эксперимент: опросить в каком-нибудь регионе группу людей, чтобы понять и ощутить, насколько массовыми были репрессии.

Надо сказать, ещё до того, как я прочёл работы Зиновьева, мы вместе с приятелем провели из интереса схожий опрос среди своего окружения, в результате которого действительно выяснилось, что процент пострадавших от репрессий ближних и дальних родственников среди опрошенных нами сверстников ничтожно мал. Справедливости ради отмечу, что опрашивали мы преимущественно детей и внуков рабочих и служащих, основными же пострадавшими от репрессий, как известно, были управленцы, принимавшие решения, и часть интеллигенции высокого ранга.

После тщательных исследований и долгих размышлений А. Зиновьев приходит к выводу, что на вопрос — «А как бы поступал ты сам, окажись на месте Сталина?» — он ответил бы: «Я не смог бы поступать лучше, чем Сталин». Речь в данном случае, конечно, прежде всего о том, что Сталин исходил из реальной ситуации и делал всё возможное, чтобы сохранить великую страну, при том, что это не отменяет и не оправдывает той несправедливости и жестокости, которые были оборотной стороной суровой эпохи.

Но для большей части нашей интеллигенции призывы учёного к объективности в оценке трагического прошлого страны были проигнорированы; они так и остались при своём убеждении, считая, что сталинский период советской власти — «это период злодейства, чёрный провал в русской истории, а сам Сталин — это злодейский злодей из всех злодеев в человеческой истории. <...> Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма», хотя речь идёт лишь об объективном взгляде на историю страны.

Сегодня споры по поводу личности Сталина не утихают, и, вероятно, должно пройти ещё 200–300 лет, чтобы фигура Сталина была оценена историками всесторонне и объективно, подобно тому, как оцениваются сегодня личности Юлия Цезаря, Чингисхана или Наполеона, правление которых отмечено миллионами загубленных человеческих жизней...

Хотя Александр Зиновьев оставался до конца своих дней приверженцем идеала коммунистического общества, как учёный-материалист он прекрасно понимал, что идеал, будучи реализованным в конкретные формы, способен обратиться в свою противоположность и что попытка воплотить в жизнь сказку-утопию не удалась: «жизнь пошла совсем в другом, непредвиденном направлении».

В 1970-е гг. идеал коммунизма всё больше расходится с реальным его воплощением. Заложённая в самом марксизме *идея изобилия* (вспомним известный лозунг «От каждого по способно-

стям, каждому по потребностям») несла в себе зародыш гибели коммунизма в условиях послевоенной мировой экономики, когда Запад, благодаря войне, вышедший из кризиса, начинает активно создавать *общество потребления*. С огромным трудом восстановивший свою экономику Советский Союз не может соперничать с западными странами по разнообразию и качеству предметов потребления, поскольку жёсткая плановая, строго регламентированная экономика, успешно работавшая в мобилизационном режиме, в мирное время оказалась малоэффективной.

А. Зиновьев, ощущая, как и многие в это время, что страна остро нуждается в переменах, пишет публицистические статьи, критикуя существующий режим, предлагая возможные реальные изменения, и начинает работать над социологическим романом «Зияющие высоты». После того, как в конце 70-х этот роман будет опубликован за рубежом, последует высылка А. Зиновьева из СССР. На Западе имя Зиновьева становится вскоре широко известным, и он использует все возможности для популяризации своих идей, направленных в основном на обличение советского строя. Так что можно сказать, что Александр Александрович внёс свою немалую лепту в формирование на Западе негативного отношения к СССР.

Кто виноват?

Зиновьев редко упоминает в своих работах понятие «*человеческий фактор*», но именно этот самый фактор сыграл существенную роль в том, что многими советскими людьми был отторгнут идеал коммунизма. Такие человеческие интересы, как желание жить в комфорте, пользоваться такими же благами, как у западных соседей, ездить свободно куда угодно и покупать что угодно, породили у многих нигилизм по отношению ко всему, что делали советские партийные и государственные органы. Да и в самих этих органах, начиная с 1960-х гг., начинает процветать приспособленчество, желание представить высокому руководству всё в лучшем виде, чем есть на самом деле. Бесконечные лозунги, догматизм, нежелание менять что-то в экономике и других сферах жизни только усиливают ощущение диссонанса между призывами партии и реальностью. Поэтому решение произвести «перестройку» во всех сферах жизни было воспринято населением с энтузиазмом и надеждой.

Как верно отмечает Зиновьев, к тому хорошему, что давала социалистическая система, все давно *привыкли* и считали это чем-то само собой разумеющимся, что останется с ними по-прежнему,

но при этом прибавятся такие же возможности, как на Западе, не желая понять того, что в западных странах блага жизни достаются *далеко не всем* и что «тот благополучный Запад, о котором мечтают в России, есть лишь маленький островок в океане грязи и страданий».

Но как могло случиться, что народ, ратовавший за справедливость и равные возможности в реализации своих способностей и сил, спокойно принял новый капитализм с неизбежным резким социальным расслоением, что для большинства людей обернулось резким обнищанием?

«Неверно думать, будто мы проморгали переворот потому, что не имели достаточно информации о происходившем, т. е. не знали, — считал Зиновьев. — Информация имелаась в изобилии. Мы проморгали переворот потому, что не понимали его социальной сущности. А не понимали не потому, что не могли понять, а потому, что не хотели понимать».

Это не совсем так. Можно даже сказать — совсем не так. Дело в том, что за словесной дымовой завесой, которую напустили руководители КПСС, людям трудно было разглядеть и понять, куда же ведут страну эти деятели. Смысл словесной трескотни М.С. Горбачёва вообще трудно было уловить. (Можно только пожалеть переводчиков, пытавшихся внятно пересказать на английском ход мыслей «минерального секретаря»). А.Н. Яковлев же специально изображал дело так, будто речь идёт лишь об изменении социализма в сторону плюрализма и гласности, которые помогут восстановить обратную связь партии с народом и внести конструктивные изменения к лучшему. Однако на деле, как позже откровенно признается этот партийный идеолог «перестройки» во вступительной статье к выпущенной за рубежом «Чёрной книге коммунизма»: «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма».

То есть А. Яковлев и его команда, создавая ложную иллюзию конструктивных эволюционных перемен, постепенно, но неуклонно проводили политику *полного разрушения* всех звеньев экономики и культуры. Осуждая большевизм, партийные реформаторы действовали большевистскими методами: в обкомы и горкомы страны в те годы постоянно направлялись столичные «эмиссары» из ЦК, которые давали жёсткие указания относительно того, какие следующие предприятия надо обанкротить.

Описывая этот процесс, Зиновьев подчёркивает, что «контрреволюция у нас осуществлялась по инициативе высшего руко-

водства. А снизу никакого сопротивления не было. Народ доверял высшей власти и просто проглядел контрреволюцию», в результате чего «какие-то интеллектуальные убудки и моральные подонки без всяких усилий на глазах у всех, при всеобщем попустительстве и равнодушии, в течение нескольких лет разрушили то, что создавалось десятилетиями, создавалось всем многомиллионным народом, создавалось ценой титанических усилий и огромных жертв, создавалось лучшими умами из народа и высоконравственными гражданами».

Тут тоже не всё так просто. Одной из причин достаточно быстрой отмены социализма в СССР был извращённый принцип «демократического централизма», который в реальности свёлся к тому, что все инструкции и указания, поступавшие сверху, воспринимались ниже стоящими партийными организациями как приказ, исключаящий его обсуждение. То есть подобную структуру субординации можно сравнить с пирамидой, которую держит стержень, а главная гайка, закрепляющая, стягивающая эту конструкцию, находится на самом вершине. И стоило отвинтить эту гайку, как вся стройная пирамида миглом начала рушиться. «Гайка» же эта была в руках узкой группы руководителей партии. Как тут можно было не проглядеть контрреволюцию, если население понятия не имело об истинных намерениях «прорабов перестройки», занёсших свой гаечный ключ над этой гайкой?

Что было и что стало

И ещё немного о человеческом факторе. У психологов есть такой термин — «*эффект зыбучих песков*». То есть, если изменения вокруг нас происходят медленно, постепенно, то мы замечаем их далеко не сразу. Именно так в конце 1980-х — начале 90-х незаметно менялась жизнь в стране. Только что мы радовались тому, что можно вкусно поесть в частном кафе или пошить модные брюки в частном ателье, — и вдруг видим, что эти честные частные предприниматели исчезли, потому что их обложили данью неизвестно откуда взявшиеся рэкетеры, а деморализованная милиция бессильна что-то с этим поделать. Ещё вчера мы слушали речи горлана-агитатора о том, что скоро мы почувствуем себя свободными, аки евреи, вышедшие из египетского плена, а сегодня видим, как те же проповедники новой, разумной жизни поклоняются Золотому тельцу подобно тем же библейским евреям, воспользовавшимся длительным отсутствием Моисея. Только что адепты реформ жалостливо цитировали слова Фёдора Михайловича

о детской слезинке, а сегодня уже делают вид, что не замечают появившихся вокруг тысяч бездомных детей, ютящихся по подвалам и тихо вымирающих от употребления дурманящих веществ...

Так, постепенно, «нас, десятки миллионов русских людей, ограбили в пользу немногих ловкачей и предателей, получивших доступ к западным благам», — резюмирует А. Зиновьев.

Это всё верно. На наших глазах за бесценок распродавались недра, заводы, уничтожались тысячи якобы нерентабельных предприятий. Но меня не перестает удивлять своей парадоксальностью ещё одно обстоятельство, а именно трактовка некоторой частью нашей «интеллигенции» понятия «честность». Если раньше не бог весть какие привилегии, которыми пользовались партийные и государственные чиновники, прикрываясь красивыми лозунгами, были притчей во языцех, то внезапное огромное социальное расслоение, произошедшее в «святые девяностые», было принято многими с философским спокойствием — как нечто само собой разумеющееся. То есть, если существовавшие в последние годы советской власти ложь, фальшь и демагогия — при том, что в остальном люди ощущали себя надёжно, спокойно и уверенно — вполне справедливо раздражали и воспринимались с возмущением, то в 90-е, когда народу есть стало нечего, когда бандюки и воруны открыто начали делать свои дела и делишки, когда абрамовичи и дерипаски за копейки принялись скупать природные недра и средства производства, когда школьницы начали вдруг мечтать стать валютными проститутками и т. д., то есть когда все эти безобразия стали происходить совершенно *открыто, откровенно* и бесстыдно, всё это было воспринято как нечто естественное, без всякой лакировки действительности, потому что теперь всё делалось *по-честному*, без всяких там идеологических дымовых завес.

А. Зиновьев пытался понять и объяснить, почему массы народа, ради которых в начале XX века делалась революция и которые при советской власти жили пусть не шикарно, но имели вполне достойные условия жизни, спокойно согласились с возвратом к капитализму. Он как бы берёт два листа бумаги и на одном из них пишет то, что давала простому человеку жизнь при социализме, а на другом — то, что он получил взамен при диком капитализме, который на само деле оказался и не капитализмом даже, а каким-то непонятным кентавром (как писал Зиновьев, эта конвергенция и гибридизация привела к появлению своего рода «русской социальной дворяжки»).

Итак, что, по Зиновьеву, было до 1990-х и что стало.

Было	Стало
<p>Относительное социальное равенство. Если исходить из принятой в социологии методики сопоставления жизненного уровня десяти процентов высшего уровня и десяти процентов низшего, то в СССР отношения высших десяти процентов к уровню десяти процентов низших было 4:1.</p>	<p>Нарастающее социальное неравенство. В постсоветской России отношение высших десяти процентов к уровню десяти процентов низших соотношение доходит до 40:1 (речь о зарплатах работников разного ранга, занятых в различных сферах).</p>
<p>Коллективизм, ощущение общности, взаимопомощи, «чувство локтя».</p>	<p>Вместе с ликвидацией огромного количества предприятий исчезли большие коллективы. «Вся затея с приватизацией, — резюмирует Зиновьев, — была направлена фактически на разрушение коллективов и коллективизма», на насаждения культа индивидуализма и корыстолюбия. Это сказалось даже на бытовом уровне: «Стали сокращаться встречи, отпадать по тем или иным причинам старые знакомые и друзья».</p>
<p>Забота о детях и молодёжи. Была ликвидирована беспризорность.</p>	<p>Два миллиона детей не живут в семьях, скитаются где попало. Более четырёх миллионов детей школьного возраста не посещают школу².</p>
<p>Достаточно высокий уровень культуры и грамотности.</p>	<p>Резкое падение общей образованности и культуры. Интересы молодёжи повёрнуты в сторону материальной выгоды, развлечений, удовольствий, секса, насилия. Место звучавшей раньше по радио и ТВ классической музыки и народной песни заняла попса, блатные и лагерные песни.</p>

² Данные, приводимые Зиновьевым, относятся к концу 1990-х — началу 2000-х гг.

<p>Утверждение лучших человеческих качеств — верной и бескорыстной дружбы и любви, взаимопомощи, честности, доброты, отзывчивости, стремление к знаниям.</p>	<p>Утверждение индивидуализма, права сильного, власти Золотого тельца. Высоко оплачиваются певцы, шоумены, футболисты и пр., преподаватели же, медицинские работники, профессора зарабатывают меньше, чем торгаши и домработницы. На место коммунистической нравственности пришла, как пишет Зиновьев, «не протестантская этика трудолюбия, скромности и семейной морали, характерная для времени зарождения капитализма на Западе», а проповедь вседозволенности и аморализма: «разрешено всё, что не запрещено».</p>
<p>Существовал бытовой демократизм — свои права можно было отстаивать через профсоюзную или партийную организацию и даже ругаться с начальством.</p>	<p>Частный предприниматель может спокойно уволить работника или загрузить его дополнительной работой при той же зарплате. Получившая, казалось бы, полную свободу, пресса («четвёртая власть») занялась в основном развлечением её потребителей. «Свобода слова» на деле оказалась гласом вопиющего в пустыне, потому что никаких изменений после серьёзных критических выступлений журналистов на практике не происходит.</p>
<p>Преимущество поколений, передача знаний и духовных ценностей.</p>	<p>Распалась связь времён. Порвались линии, делавшие народ живым организмом, жившим в течение многих поколений веками и тысячелетиями. Изменилась не только шкала ценностей. Снижился уровень знаний молодых людей, в том числе и о прошлом своей страны. Для части же «либеральной интеллигенции» увлекательным занятием стало очернение истории России, её достижений в области науки и культуры.</p>

В ответ на эти и другие сопоставления того, что мы имеем, с тем, что было при социализме, при всём его несовершенстве (а совершенного, идеального общества не может существовать в принципе), оппоненты Зиновьева обычно выдвигают тезис, доказывающий, что именно сейчас «жить стало лучше, жить стало веселей»: исчез дефицит, появился широкий выбор продуктов, товаров и услуг, возможность приобрести автомобиль любой мар-

ки, посетить любую страну, а то и вообще уехать туда навсегда; исчезли ложь и фальшь официальной пропаганды; есть возможность смотреть и читать всё, что угодно; построено много современных домов и прекрасных дорог, мостов и развязок. То есть в основном возражения отечественных оппонентов Зиновьеву сводятся к тому, что в СССР всё было крайне плохо с *бытовой* точки зрения — малый ассортимент ширпотреба, дефицит продуктов, плохое качество многих выпускаемых нашими фабриками вещей, плохой общепит и т. д.

Более серьёзные оппоненты, не верящие в возможность существования государства с равенством возможностей и относительной справедливостью, считают, что социалистическое централизованное планирование экономики привело к катастрофическим потерям, к нерациональным капиталовложениям, бедности населения, что «советская цивилизация» потерпела крах и разрушилась потому, что не смогла создать бесклассовое эгалитарное общество и обеспечить людям достойные условия жизни. Исчезновение же социалистической системы произошло во многом из-за того, что не учитывалась важнейшая роль *стимулов и личных интересов* людей, и это всегда будет препятствием к эгалитарному перераспределению, что доказал крах шведской социальной демократии. То есть, по их мнению, можно смело говорить о недостижимости уравнительного коммунизма.

Но эти апологеты капитализма откровенно утрируют ситуацию, потому что социализм предполагает не «уравниловку» во всех сферах жизни, а, прежде всего, достойную жизнь для *большинства населения*. Перечисляемые изъяны советской власти конца XX века при желании и при воле руководства можно было легко изменить, исправить, не сокрушая при этом всю конструкцию социального государства, что и доказал Китай. У нас же, благодаря усилиям гайдаров, чубайсов и пр., в результате получился компрадорский капитализм, при котором богатейшая страна за минувшие десятилетия превратилось в экономическую и культурную колонию Запада, потому что все 30 лет мы в основном продавали наши недра — нефть, газ, лес, — покупая взамен всё остальное. Особенно отчётливо это стало видно, когда глобальные санкции заставили нас форсировано заниматься импортозамещением, включая даже сельскохозяйственную продукцию.

Оказалось, что американцы присылали нам яйца для выращивания в инкубаторах будущих бройлерных кур; они же продавали

семя своих не всегда здоровых быков для того, чтобы мы получали потомство от наших коров, которые тоже в большой массе давно уже не «наши», а привозные, импортные; в западных и восточных странах мы покупали не только тропические фрукты и овощи, но и те, которые могут прекрасно произрастать у нас. Самое же большое преступление — утрата собственного фонда семян. Все знают, что во время блокады Ленинграда учёные Всесоюзного института растениеводства (ВИР) Н.И. Вавилова бережно сохранили огромный фонд семян культурных растений, который помог восстановить наше сельское хозяйство после войны. Умирая от истощения, селекционеры не съели ни единого зёрнышка. В наши дни этот фонд, представляющий собой залог продовольственной безопасности нашей страны, был под разными предлогами вывезен из России за рубеж. А главное — в целом была порушена система семеноводства. В результате мы едим сегодня странные безвкусные помидоры, по виду напоминающие муляжи. Согласно таинственным законам логистики оказалось удобней и выгодней привозить в центральную и северную Россию незрелые овощи и фрукты из Турции, Китая, Азербайджана, Узбекистана, чем те же настоящие, сочные помидоры из Ростовской, Астраханской областей и Краснодарского края.

То же самое произошло и в промышленности, где основная часть различных машин, вагонов, станков и других изделий производится из зарубежных комплектующих. То же самое в образовании и культуре. В школах внедрена система ЕГЭ, берущая своё начало из практики школ для умственно отсталых детей, в вузах (за редчайшим исключением) слепо скопирована болонская система, которая подходит далеко не всем высшим учебным заведениям. На отечественном телевидении основная часть развлекательных и познавательных программ — это либо зарубежные образцы, либо адаптированные под российские реалии ток-шоу и сериалы. Основной репертуар наших кинотеатров — голливудская продукция, такая же пластмассовая, как и заграничные помидоры, потому что, как заметил режиссёр А. Кончаловский, «США давно и успешно экспортируют вовне вовсе не собственную культуру, а некий транснациональный продукт, который пришёлся людям по вкусу во многом благодаря мощной рекламной кампании». И как только были введены глобальные санкции против России, нашим кинотеатрам нечего стало показывать, потому что наше «продюсерское кино», тоже скроенное по голливудским

лекалам, в большой своей массе — это неинтересное зрителю подражание западным образцам, но на более низком профессиональном уровне...

Как известно, немалую часть своей жизни А.А. Зиновьев провёл на Западе, а потому знал не понаслышке обо всех достоинствах и пороках развитого капитализма, поэтому его невозможно было сбить с прочно занятой позиции относительно социального устройства государства — он был уверен в том, что нездорово то общество, где получать все блага цивилизации имеет возможность лишь малая часть жителей. Он считал, что при социализме было что улучшать, в то время как при капитализме постепенно всё идёт к деградации. И глядя на сегодняшнее состояние Запада, с ним трудно не согласиться.

Что делать?

Если относительно каких-то явлений и концепций А. Зиновьев мог менять свои взгляды по мере более глубокого изучения им того или иного вопроса, то неизменной оставалась его позиция относительно частной собственности и религии.

Религию он считал тормозом для развития общества, для науки, прогресса и духовного роста свободного человека и активное возрождение религии в России после произошедшего переворота воспринимал как деградацию, как следствие общих перемен, приведших к тому, что жизнь стала нестабильной, будущее — неопределённым. «Православие здесь выступает в роли той псевдоспасительной соломинки, за которую судорожно пытаются ухватиться миллионы обманутых и отчаявшихся. В чём-то этих людей можно понять. В условиях краха практически всех идеологий в современной России религия даёт ощущение некоторой духовной альтернативы. Но именно ощущение. По сути, уход в религию — это, скорее, попытка бегства от самого себя, стремление отыскать в бушующем вокруг океане социальной мерзости некий мистический спасительный островок с поющими ангелами».

Ригоризм Зиновьева в этом вопросе объяснялся ещё и тем, что он видел, кто именно пытается возродить в России православие. Глядя на то, как бывшие партийные работники во главе с Ельциным начали вдруг креститься и держать свечи, он воспринял это как апофеоз лицемерия, в формальный набор обрядов и ритуалов. «Мне доводилось видеть множество людей с крестиками на шеях,

называющих себя православными, однако в большинстве случаев их поступки в жизни имели мало общего с теми ценностями, к которым призывает религия», — пишет А. Зиновьев и, к сожалению, здесь он во многом прав.

Помню, на закате киностудии «Леннаучфильм», в которой я в ту пору был художественным руководителем, организовалась группа молодых режиссёров, показательно демонстрирующих свою религиозность, что дало повод для шуток относительно того, что Леннаучпоп (так называли сокращённо Ленинградскую студию научно-популярных фильмов) пора разделять на Леннауч и Ленпоп. В этот период произошёл трагический случай — возвращаясь после посещения какого-то монастыря, в автомобильной катастрофе погиб один из ведущих режиссёров студии (он тоже был верующим человеком). После его похорон я предложил четырём молодым религиозным режиссёрам совершить христианский поступок — закончить съёмки и монтаж фильма, т. е. завершить то, что не успел сделать погибший мэтр, и постановочные (гонорар) за эту картину передать его вдове. Все четверо охотно согласились. Но затем в течение следующей недели каждый из них, сославшись на какие-то возникшие обстоятельства, отказался участвовать в этом богоугодном деле. Носить крестики и держать свечки им было проще и удобней...

Зиновьев считал, что православие не может выступать в роли консолидирующей национальной идеи, поскольку оно призывает не к социальной активности, а к глубокой социальной апатии и бегству от реальности, и что именно по этой причине оно так активно поддерживается в современной России. Но это лишь одна сторона проблемы. Другая же, которой он, говоря о религии, старался не касаться, заключается в том, что существующая на Руси уже тысячу лет православная вера во многом определила менталитет народа, его понятия о добре и зле, о вечном и преходящем, о святом и грешном, и сегодня, когда Россия оказалась в противостоянии с католическим Западом, это различие между двумя ветвями христианской церкви стало весьма заметным и ощутимым.

Думается, тотальное отрицание Зиновьевым религии было продиктовано не только его убеждениями, но и конкретной ситуацией в России, когда вместо заботы о физическом и нравственном здоровье населения государство направило силы на строительство новых храмов.

Здесь вновь сказалась глобальность его мышления, далеко не всегда учитывающая человеческий фактор. Ведь православие предполагает соборность, единение народа, и человек, исполняющий на деле христианские заповеди, а не только лишь обряды, не может вызывать ничего, кроме уважения. Человеку же, находящемуся в тяжёлой или критической ситуации, нередко помогает обращение к Богу. Человек не может жить без веры, и далеко не каждый способен найти эту веру в науке или идеологии. К тому же новую идеологию в России Зиновьев предлагает строить, отталкиваясь от такой ценности, как *справедливость*, которая и в православии является одним из краеугольных камней нравственных ценностей.

В отношении частной собственности А.А. Зиновьев столь же ригористичен, как и в отношении религии, считая, что именно частная собственность — основа социального расслоения людей. Речь, конечно, о собственности, касающейся владения средствами производства и недрами. И практика нашего дикого капитализма сполна доказала справедливость его точки зрения. Мало того, в условиях официально объявленного грабежа общей собственности с помощью ваучеров началась активная перекачка того, что формально принадлежало всему народу, в карманы нуворишей, оказавшихся к тому же компрадорской буржуазией, поддерживающей заграничные футбольные клубы и хранящей свои богатства в зарубежных банках.

Сегодня все в один голос утверждают, что частные предприятия работают гораздо эффективней, чем государственные. Честно сказать, мне это не очень понятно. Почему, скажем, два завода — один государственный, другой частный, — выпускающие схожую продукцию, во главе которых стоят толковые директора, должны работать по-разному? Может быть, дело в том, что директор государственного предприятия не может столь же свободно распоряжаться денежными средствами, как директор частного завода? Так уберите жёсткие регламенты и мелочный контроль и судите деятельность предприятия по конечному результату! Или контролируйте строго выполнение всех законов частником, тем более, если он выполняет государственный заказ. И если все будут жить по единым законам, я не уверен, что частное и государственное предприятие чем-то радикально будут отличаться друг от друга.

Вероятно, опять-таки дело в «человеческом факторе», в *психологии* человека. Всегда были и есть люди энергичные, пред-

приимчивые, способные продуктивно работать в условиях конкуренции, и стоит только поощрять их деятельность, но в том лишь случае, если она вписывается в рамки закона. То есть вопрос в том, как осуществить на практике *равенство* всех форм собственности. Внезапный радикальный переход к свободному рынку и господству частной собственности при резком сужении сегмента государственной собственности привёл к абсолютно-му доминированию частного, индивидуального над общим, коллективным. И это было то, с чем не мог смириться А. Зиновьев, видя, что в результате скороспелых реформ каждая третья семья в России оказалась за чертой бедности, резко усилился контраст между мегаполисами и провинцией, каждый год с карты России исчезают десятки посёлков и деревень, резко сократилось население страны и т. д.

Возможно ли изменить сложившуюся ситуацию, сделать так, чтобы люди осознали, что общество зашло в тупик и что выход здесь один — в изменении социальной структуры, возврате к духовным ценностям, и что *«главной ценностью России должна стать социальная справедливость»?*

Сегодня всё чаще на центральных телевизионных каналах можно слышать суждения о том, что капитализм на Западе исчерпал себя, что там произошла деформация понятий «демократия», «плюрализм», «свобода слова», что материальное положение большого числа людей там ухудшается.

Уже упоминавшийся А. Кончаловский, который так же, как и А. Зиновьев, хорошо знаком с реалиями Запада, считает: «На мой взгляд, неизбежность новой формы социализма налицо. Вопрос: могла ли возникнуть эта новая форма социализма в Советском Союзе? Сейчас я могу ответить: да. И если бы не перестройка и наивные мысли Горбачёва и Ельцина, что мы должны обняться с американцами, что они нас любят, потому что мы такие хорошие... Это глубочайшее заблуждение! Они нас тогда использовали, как могли, и сейчас продолжают мечтать о том, чтобы мы не существовали».

Отсюда напрашивается вывод: пока не поздно, нужно вносить коррективы в вектор развития нашей страны, поскольку реализация концепции идеологов свободного рынка на практике давно себя дискредитировала. То есть речь идёт о том, что в такой огромной стране, как Россия, нужно усиление роли государства — как в экономической политике, так и в вопросах культуры и образования.

Возможно ли это? Зиновьев трезвым умом аналитика понимал, что за тридцать лет общество изменилось настолько, что перемены подобного рода в ближайшее время вряд ли возможны. Социальная структура общества за три десятилетия радикально изменилась. Появились сотни тысяч частных, а число людей, занятых в различных сферах услуг и развлечения, намного превосходит число тех, кто сегодня занят производительным трудом.

Как известно, основная масса людей пассивна, и судьбу страны обычно решает небольшая часть активного населения. Но лишь в том случае, когда их идеи поддерживает значительная часть населения. У основной же массы поколения консьюмеристов нет никакого желания что-то менять — ну, разве что, высшее руководство страны им не по душе. Но не потому, что там не спешат вернуть народу награбленное олигархами или начать решительную борьбу с бедностью, а потому что это выглядит очень революционно и при этом совершенно безопасно. Они боятся высказать даже невинное критическое замечание в адрес непосредственного руководства, но смело обличают президента, «режим», ратуют за свободы, вкладывая в это понятие только им ведомый смысл. К тому же последние тридцать лет весьма недурно поработала отечественная пропаганда, включая кино и телевидение, представляя жизнь в СССР чуть ли не концлагерем.

Учитывая все эти обстоятельства, Зиновьев делает вывод: «Россияне, несмотря ни на какие трудности, не захотят вернуться к советскому образу жизни».

Но, думаю, дело тут ещё в том, что многие представители нашей «интеллигенции» не могут либо не желают понять простую истину: подобно тому, как в воды одной и той же реки нельзя войти дважды, так и социализм, если он возродится у нас, будет совершенно иным, чем тот, что был в СССР, — с большими свободами, с разнообразием форм во всех сферах жизни и т. п. Но при этом суть будет прежней — обеспечение достойной и разумной жизни для большинства людей, а не только для кучки избранных, подъём культуры и образования, возрождение традиционных ценностей. А уж как это назвать — «народным социализмом», «православным социализмом» или «новым государством» — забота теоретиков.

В романе-антиутопии «Глобальный человек», вышедшем в 1997 году, А. Зиновьев предрёк, что современный Запад, и прежде всего США, стремясь к мировому господству и всё чаще пере-

ходя от «холодной войны» к «горячей», после ликвидации СССР направят свои усилия на создание «сверхобщества», которому должен подчиниться остальной мир. В результате этого решающее столкновение Запада с непонятной и ненавистной ему Россией окажется неизбежным.

Последние книги философа тоже пронизаны довольно пессимистичными предсказаниями о будущем человечества и России. «Считаю, что России нанесли смертельный удар в конце прошлого — начале нынешнего столетия. Сейчас её направили на путь деградации и, в конечном счёте, полного исчезновения — избытия из человеческой истории», — писал с горечью Зиновьев в начале XXI века, предвидя, что определённые силы, и прежде всего Запад и Китай, рано или поздно начнут тайную и явную борьбу за обладание территорией нашей страны. И, конечно же, в связи с этим его очень беспокоила внутренняя ситуация в России: сформировавшаяся к этому времени экономика, социальная организация и состояние человеческого материала не давали ему повода для оптимизма.

Сегодня мы являемся свидетелями предсказанной Зиновьевым решающей схватки России с Западом в лице НАТО, от исхода которой зависит расстановка сил в мире и то, каким путём пойдёт дальше наша страна. В этой борьбе столкнулись новое либертарианство, фактически отрицающие христианские традиции, и общество, отстаивающее традиционные ценности. Стало понятно, что Запад в очередной раз сплотился для того, чтобы уничтожить Россию или сделать её своим покорным вассалом. Чем закончится эта борьба за новое мироустройство, остаётся только гадать...

За минувшие 20 лет со дня смерти А.А. Зиновьева в нашем отечестве многое изменилось в лучшую сторону, хоть и далеко не всё и не так, как мечтал об этом Зиновьев. И потому есть надежда, что новая Россия не только выйдет победителем из смертельной схватки, но и начнёт решительно перестраивать свою экономику, общественный строй, социальные отношения, образование и культуру ради того, чтобы страна приблизилась к идеалу, который всегда хранил в своей душе и всегда отстаивал идеалист-реалист Александр Александрович Зиновьев. Будем на это надеяться...